

стовский с легкой руки Некрасова — «новый Гоголь». А между тем по делу Петрашевского в вину Достоевскому ставилось и чтение «Письма к Гоголю» Белинского, следовательно, и за Гоголя был он осужден на смертную казнь. Не все в «Выбранных местах...» нравилось Достоевскому, так что вслед за демократами он и Гоголя делил на раннего и позднего, «до болезни» и «после болезни».

Предположим, всё без исключения так. Могла ли появиться пародия на сочинение Гоголя? Наверное, да. Но если вспомнить, что книга была составлена и из частных писем, то о передегеривании и перелицовке вряд ли правомерно говорить. Скорее, могла быть стилизация, а уж и того вероятнее — полемика, так чтимая писателями в XIX веке.

Вот и у Тынянова исследование ведется преимущественно по стилизации, какую, впрочем, можно найти у любой пары писателей, пишущих на одном языке.

«Явно отмежевываясь от «типов» Гоголя, Достоевский пользуется его словесными и вещными масками; отдельные примеры я приводил; вот еще некоторые: имена с инверсией — Петр Иванович, и Иван Петрович (роман в 9-ти письмах); даже в «Идиоте» прием звуковых повторов: Александра, Аделаида, Аглая».

Поистине, так любых писателей «скрестить» можно. Но зато следует вывод:

«Достоевский пользуется приемами Гоголя, но сами по себе они для него не обязательны. Это объясняет нам пародирование Гоголя у Достоевского: стилизация, проведенная с определенными заданиями, обращается в пародию, когда этих заданий нет».

Удивительные приемы! Поистине: мое дело сказать, а там уж как хотите.

«Достоевский настойчиво вводит литературу в свои произведения; редко действующие лица не говорят о литературе. Здесь, конечно, очень удобный пародический прием: достаточно определенному действующему лицу высказать литературное мнение, чтобы оно приняло окраску его мнения; если лицо комическое, то и мнение будет комическое».

И вот так открытие за открытием. Подобные теоретизирования можно творить по легкой прихоти. Однако у Тынянова на этот счет имеется установка: «Стилизация — пародия. От стилизации до пародии один шаг...».

Влияние Гоголя на Достоевского было велико, особенно в языке и особенно в начальном периоде творчества. И именно из языкового нагромождения и создается завал; и когда уже разум готов возмутиться, Тынянов в конце работы приводит пример, действительно близкий к пародированию, — это когда Фома кричит: «О, не ставьте мне монумента!.. Не надо мне монументов!» И уже готов вздох: да, есть пародия...

Но это по Тынянову, если же читать Достоевского, то сомнений и не возникает: ни образ Опискина, ни повесть в целом не являются пародийными. Использован мощный, работающий на характеры героев живой материал. Ведь если Гоголь писал завещание, то писал-то он его не потешеньким, но в состоянии обреченности, даже не предчувствуя смерть, а одолевая ее... И Фома далеко не дурак — подпольная личность, по Лотману, родственная Грановскому. Так что хотя и бо-

**Я** ВСЕГДА был готов доказывать и доказать, что в «Селе Степанчикове и его обитателях» не содержится и тени пародии на «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и что повесть Ф. М. Достоевского никак нельзя причислять к пародийным, и уж тем более даже помысла быть не должно, что Фома Опискин — пародия на личность Гоголя.

«Явился Фома Фомич к генералу Крахоткину, как приживальщик из хлеба — ни более, ни менее». Вот таков Опискин. И Достоевский создает образ, каких, может быть, в русской литературе не было и нет. Это тип изумительной художественной общности — приживальщик при благодушных дворянах, своеобразная предтеча Верховенского из «Бесов». Ну а какой при этом использован материал — дело пятое, хотя в любом случае пародия допустима и возможна. Но даже тогда — в середине XIX века — лично знавшие и помнившие Гоголя не могли, наверное, утверждать и не высказывали даже предположений, что Опискин — пародия на Гоголя. Более того, о пародии и пародийности вообще не говорили добрых семьдесят лет, вплоть до Ю. Тынянова, который в 1921 году издал небольшую работу «Достоевский и Гоголь. К теории пародии», где и объявил о пародии на Гоголя и его «Выбранные места...».

Заглянем в Дая: «Пародия — забавная переделка важного сочинения, смешное или насмешливое подражание; перелицовка, сочинение или представление наизнанку». Понятно, «перелицовку» не заметить нельзя, и если «Село Степанчиково...» семьдесят лет не объявлялось перелицовкой, то, бесспорно, — здесь случай особый.

Отношение Достоевского к Гоголю известно: «Женитьба», «Ревизор», «Мертвые души» — настольные книги Федора Михайловича... Любопытно, что и сам До-

**И** В ПОСЛЕДНИЕ годы жизни Ф. М. Достоевский поддерживал связи с революционным движением. Свидетельство тому обнаружено в «Обзоре важнейших дозаний, производившихся в Жандармских управлениях империи, за время 1882—1901 гг.» (том IX), хранящемся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Это свидетельство до сих пор неизвестно ни биографам писателя, ни литературоведам.

Как видно из выявленных материалов, в конце 70-х — начале 80-х годов XIX века среди народовольцев Петербурга пользовалась известностью библиотека на Невском проспекте. Здесь революционеры, скрываясь от полиции, находили убежище («квартиру»), помещение библиотеки использовалось и как место явок. Все это не было случайностью. Ведь она была основана активным участником народнического движения, писателем П. В. Засодимским, который, по признанию следственных властей, «как лицо, имеющее уже известность в литературном мире, взял на себя официальную ответственность» при открытии библиотеки. Ему помогли опыт-

ные революционеры-народники: Л. К. Бух, В. А. Луцкий.

«Библиотека, — вспоминал писатель Н. Н. Златовратский, посещавший ее не раз, — была небольшая, в очень скромном помещении, составленная исключительно из «серьезных» книг, в то время наиболее ходких, и, по-видимому, предназначавшаяся главным образом для обслуживания духовных запросов интеллигентного разночинства».

В январе 1879 года библиотека была открыта на имя П. В. Засодимского в доме № 80 по Невскому проспекту. Туда же после открытия переехали П. В. Засодимский и А. И. Эртель. В библиотеке скрывались и получали прибежище революционеры Н. М. Богораз, Н. Н. Дерюгин, П. Н. Дунаев, братья В. А. и Н. А. Карауловы, М. Е. Усова, И. Н. Харламов и др. Здесь же, по свидетельству жандармского документа, «начались сходки молодежи, обратившие внимание полиции». Вскоре революционеры, видимо, догадываясь о полицейской слежке, вынуждены были, исходя из конспиративных соображений, сменить «хозяина» библиотеки. Они передают ее в мае 1879 года А. И. Эртелю, малоизвестному тогда в Петербурге двадца-